

Вильна, моя Вильна

Я хочу рассказать вам о нашем родном городе, о Вильне. Я хочу рассказать вам, почему его жители так любят город, в котором появились на свет, бегали босиком по песчаному берегу реки и испытали сладость первого поцелуя, вкус которого напоминал солнечный мёд.

Река Виляя опоясала этот город серебряным кушаком, и в ее водах мы видели отражения наших юных лиц. Нам хотелось понять, кто мы, куда нас приведут наши мечты и как нам справиться с тоской. Тоской по всему тому, что заставляло юное сердце биться чаще. Маленький город дарил нам большие мечты. А окружавший Вильну лес тенью своих сосен остужал пыл наших разгоревшихся фантазий о прекрасном будущем. Годы спустя тот лес стал защитой для еврейских партизан от фашистов, которые не пощадили ни одного ребенка.

Вильна была очень бедным городом, но его жители всегда ходили с высоко поднятой головой. Они едва могли заработать себе на кусок хлеба, но, несмотря ни на что, никогда не падали духом. Любая мудрая мысль была важнее сытной еды.

Вспомним Бинёмке, портного из Шнипишка¹. Все звали его Бинёмке-философ. Он делился своими мудростями с каждым – и богачом, и бедняком.

Расскажем об учителе Герштейне², который подолгу поучал своих учеников в классе: «Дети, залатанные башмаки – это не позор, если только они начищены. Носите их с гордостью! Они для вас, что эполеты – для офицера!».

Или вспомним учителя Айзикова³ из школы «Тойрас эмэс»⁴, который собрал в одном классе и усадил за парты детей и сирот со всех улиц. Один стал извозчиком, другой – носильщиком на вокзале, а третий, которого звали длиннорукий Тевке, попал на два года в тюрьму за то, что украл мешок с чужим товаром. Уже сидя в камере, он отправлял учителю Айзикову письма с благодарностью за то, что научил его писать. Тевке сообщил добрую весть: он пишет письма для всех заключенных, и ему за это тащат еду со всех сторон, разве что птичьего молока не хватает...

Такие учителя были только в Вильне. А их учениками были те, кого люди знали по прозвищам – например, Мотке-коржик, Гиршке-труба, Зямке-

¹ Шнипишкес (Шнипишек) – в настоящее время район Вильнюса, в прошлом бедное предместье.

² Яков Герштейн (1882 – 1942) – преподаватель ряда еврейских школ и Учительской семинарии, в том числе преподавал музыку, руководил хором.

³ Шмуэль Айзиков, педагог, последний директор виленской школы «Тойрас Эмес».

⁴ «Истинная Тора» – система религиозных начальных школ для бедных детей и сирот, созданная в 1907 г. Также в таких школах учили грамоте и ремеслу. В виленской «Тойрас Эмес» обучалось до 250 детей. Она просуществовала до 1940 г.

зеркало, Меер-коза и многие-многие другие, для кого улица была дом родной.

Вспомним торговков, которые кормили город горячими сладкими бобами. Они зазывали словами: «Люди добрые, покупайте бобы! Их хоть на царский стол подавай!».

Граф Шарабан, самый известный нищий в городе, уверял каждого: «Меньше десяти грошей я не беру!».

Сореле-крикунья, тоже нищенка особого рода, восклицала: «Люди добрые, подайте грошей! Дай вам Бог лёгкую болезнь и хорошего доктора...».

А разве нищий по кличке Распутин и его семь жен-помощниц, которых он расставлял на каждом углу, были плохими актерами?

Все они были не просто нищими, попрошайками. У каждого из них была своя особенность, своя изюминка.

Вспомним сумасшедшего кантора Гдолке. Зимой он обычно пел свои песни через чайник, чтобы они не мерзли до Песаха, а весной, словно ласточки, вылетали в расцветающий мир.

Сапожник Пренцик занимался разведением животных. Во дворе Малой Стефановской улицы он обустроил зоопарк, где кормил их корешками и травками, пытаясь изменить. Но животные убегали в лес.

Не забудем про столяра Бобрушке, которого в Вильне называли Страдивари со Стекольной улицы. Он изводил себя «меланхолией», потому что хотел сделать такую же скрипку, как известный итальянский мастер. Бобрушке утверждал, что в Вильне древесины предостаточно. Струны покупают готовыми, а смычок делают из конского хвоста, ведь лошадей в Вильне тоже хватает. Так что – готово дело.

Мойше Энгельштерн додумался до новой медицинской теории лечения катара. Он уговорил Исерсона, городского сумасшедшего, что сможет вылечить его от простуды, окунув в воды Вилии в сильный мороз. Энгельштерн сделал во льду прорубь, куда и окунулся Исерсон. Обратного пациента вынимали уже обмороженным. Его отправили в Еврейскую больницу⁵. Доктор Зарцин сказал, что для такого пациента нужна пила, иначе к нему невозможно подобраться.

Все безумцы появлялись на свет именно в Вильне. Странными идеями был пропитан весь город. Но это не значит, что Вильна была лишь «ярмаркой

⁵ Одно из крупнейших лечебных учреждений Вильны. Существовала с XVIII в. Была рассчитана преимущественно на бедных. Евреи составляли около половины ее пациентов.

безумия». Были и те, кто оставил свой след в еврейской жизни города, кто открыл дорогу всем евреям Вильны и чье веское слово имело значение. Вспомним раввина Рубинштейна⁶, городского проповедника Раби Хаим-Ойзера Гродзенского⁷, народного доктора Якова Выгодского⁸ и доктора Цемаха Шабада⁹.

Доктор Выгодский был гласным в городском совете Вильны и выступал против того, чтобы торговков птицей прогоняли с Дровяного рынка на Завальной улице. Стоит добавить, что, будучи по профессии акушером, он бесплатно принимал роды у всех бедных женщин. Вместо оплаты они ему обычно приносили куриные потроха, десяток яиц и пару телячьих ног для холодца. Доктор Выгодский всегда с улыбкой благодарил за подношения, а потом раздавал все своим пациентам, чтобы им было что приготовить.

Удивительно то, что пока я бегал босиком по еврейским улицам и катил перед собой колесо от старой швейной машинки, я впитывал в себя аромат еврейского языка Вильны, многоцветного, со своим особенным звучанием. Идиш был для нас не только материнским языком¹⁰, но и языком души. Идиш возвращали в нас учитель Герштейн, Мойше Кульбак¹¹ и Макс Эрик¹². Идиш – словно душевная еврейская скрипочка, звучащая всеми пестрыми звуками ярмарки, всеми острыми словечками, вызывающими улыбку на лице. Красоту Вильны прославили поэты и музыканты. Каждый из них отразил в своем творчестве очарование Вильны. Что еще можно сказать? Изобразить ли город на рассвете или на закате? Нам остается лишь рассказать об упадке Вильны. Вильна, еврейская крепость, была повержена.

Зададимся вопросом: зачем мы хотим сохранить память о мире, прекратившем свое существование и о силе, которая погубила наших близких? Даже красота Вильны оказалась пропитана нашей кровью.

⁶ Ицхок Рубинштейн (1880 – 1946) – последний городской раввин Вильны. Карпинович называет его термином «рабинер», что указывает на то, что раввин Рубинштейн принадлежал к либеральному направлению иудаизма. Вместе с Яковом Выгодским был депутатом польского Сейма.

⁷ Хаим-Ойзер Гродзенский (1863 – 1940) – главный духовный раввин Вильны, один из лидеров ортодоксального движения в Восточной Европе в межвоенный период.

⁸ Яков Выгодский (1857 – 1941) – врач, еврейский общественный деятель, писатель. Прототип главного героя автобиографической книги «Дорога уходит в даль», написанной его дочкой А. Я. Бруштейн. Один из лидеров еврейской общины Вильны.

⁹ Цемах Шабад (1864 – 1935) – врач, прославившейся, в том числе, своей широкой помощью бедным.

¹⁰ «Маме-лошн» («Материнский язык») – стандартное наименование идиша. Здесь игра слов: автор хочет сказать, что в Вильне, в отличие от многих других городов, идиш был не только языком семьи, но и языком высокой культуры.

¹¹ Мойше Кульбак (1896 – 1937) – выдающийся еврейский поэт и прозаик. Писал на идише. В 1919 – 1920 и 1923 – 1928 гг. жил в Вильне. Преподавал в ряде еврейских школ и гимназий. Автор поэмы «Город», посвященной Вильне.

¹² Макс Эрик (настоящее имя Залман Меркин; 1898 – 1937) – выдающийся литературный критик и литературовед, исследователь средневековой еврейской литературы. Писал на идише. В 1922–1926 гг. преподавал литературу в еврейских гимназиях Вильны.

Тем не менее, воспоминания о Вильне согревают душу. Они исцеляют наши раны от Разрушения¹³.

Время не оставило и следа от наших радостей. Каждый житель Вильны несёт в себе печаль. Нашим единственным утешением являются воспоминания. Только они могут согревать душу, ведь это всё, что осталось у нас от пейзажа Вильны, в которой, в основном, говорили на идише.

Однажды к доктору Выгодскому пришла женщина и начала жаловаться на ломаном польском языке. Она хотела выглядеть интеллигентной. Доктор попросил её говорить на идише, иначе она сломает себе все зубы и ей придется идти ещё и к зубному врачу.

Женщина послушала доктора Выгодского и перешла на родной язык:

«Доктор, чтобы вы были мне здоровы. Чтобы вам горя не знать. Я, не про вас будь сказано, страдаю головными болями. Кроме того, у меня крутит в животе, шумит в ушах, ломит колени, темнеет в глазах, колет в боку, я с ног валюсь, сохнет язык и, вообще, я чувствую себя неважно».

Доктор Выгодский успокоил её:

«Видите, моя дорогая больная, как красиво можно болеть на идише. Это же одно удовольствие слушать...».

А всё потому, что говорить на идише в Вильне было так же естественно, как и пить воду. Еврейский язык на виленских улицах обладал такой волшебной силой, что даже неевреи поражались его звучанию. Дворники, например, на идише ругались со своими соседями.

В Вильне мы жили полноценной еврейской жизнью. Испытывая притеснение со всех сторон, страдая от нищеты, мы создавали еврейское сегодня и завтра.

Мы не знали, что однажды наступит день, и жизнь разбросает по всему свету нас, осиротевших одиночек без семей, и от всей Вильны останутся лишь одни воспоминания. Когда мы переплывали Вилию, когда наши мечты отражались от деревьев виленских лесов, мы не знали, что однажды от этого всего нам будет так грустно.

Что осталось от Вильны? Воспоминания. Они связывают всех жителей города незримыми нитями, что крепче самых толстых канатов. Всех нас

¹³ Геноцид евреев во время Второй мировой войны на идише называется «Хурбн» («Разрушение»), что отсылает к другой исторической катастрофе, разрушению Иерусалимского Храма.

объединяет тоска, которая никогда не угаснет. Тоска по Вильне, Вильне – нашему родному городу¹⁴.

¹⁴ Последние строчки – аллюзия на популярную песню «Вилне» (Вильна»), написанную в 1935 г. (слова Вольфсона, музыка Ольшанецкого). «Вилне, Вилне, ундзер геймштот, Ундзер бейнкшафт ун багер» («Вильна, Вильна, наш родной город, Наша тоска и желание»).